

РОССИЙСКОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО АДМИРАЛА А.В. КОЛЧАКА И ПОЛЬСКИЕ ВОИНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ (НОЯБРЬ 1918 – ЯНВАРЬ 1920 г.)

Рассматривается вопрос о польских воинских формированиях в Сибири и на Дальнем Востоке (5-й польской стрелковой дивизии), их роль в Гражданской войне и взаимоотношения с правительством А.В. Колчака.

С установлением 18 ноября 1918 г. на востоке России власти правительства адмирала А.В. Колчака вопрос о национальных воинских формированиях оставался предметом острых разногласий между властью и национальными организациями. Являясь приверженцем «единой и неделимой России», Колчак был принципиальным противником создания национальных воинских частей. В то же время Омск не мог не считаться с мнением союзников, в особенности с Францией, которая, напротив, всячески поддерживала их создание.

Польским военным командованием и Францией созданию польских войск в Сибири придавалось большое значение. В «Памятной записке» Главного командования польских войск во Франции, адресованной 27 февраля 1919 г. Польскому национальному комитету (ПНК), говорилось: «Несмотря на свою относительно небольшую численность, польские войска играют здесь, в Сибири, чрезвычайно большую роль. Под главным командованием генерала Жанена они являются серьезной боевой силой, тем более что, по мнению союзников, необходимо, чтобы единственная артерия, пересекающая этот край будущего – сейчас еще такой заброшенный – и открывающая доступ с востока к сердцу России, находилась в твердых и дружественных руках. Обладание ею открывает большие возможности и препятствует захвату Сибири большевиками» (Жанен Пьер Морис, 1862–1946, – французский генерал, глава французской военной миссии при Российском правительстве адмирала А.В. Колчака и главнокомандующий союзными войсками в Сибири в 1918–1920 гг.).

Отмечалось, что «с национальной точки зрения польские войска являются сборным пунктом и опорой для всех поляков, разбросанных по этой огромной территории, которые при отсутствии польских войск сделались бы легкой добычей большевиков». «5-я дивизия польских войск, находясь в самом центре Сибири – богатом и обильном, с любой точки зрения, крае, – представляет, таким образом, значительную силу, которой нельзя пренебрегать как союзником, особенно в связи с тем, что согласно рапортам, полученным отсюда, польские солдаты, не оскорбляя и не разоряя жителей, снискали их полное расположение, принося спокойствие, чего неоднократно добивались сибирские города» [1. С. 118]. (Поскольку три польские дивизии уже действовали во Франции, одна – на Кубани, польские подразделения в Сибири были объединены под названием 5-й польской стрелковой дивизии.)

Польские войска комплектовались из числа добровольцев, граждан России, и военнопленных Германии и Австро-Венгрии. 25 декабря 1918 г. ПНК для Сибири и России обратился к Совету министров с предложением

о признании военнопленных поляков военнообязанными формирующегося Польского государства. Полнацком предлагал снять с военнопленных поляков статус «военнопленных», поставить их в равные с остальными поляками условия в отношении военной службы, подчинив обязательным для граждан Польского государства мобилизационным распоряжениям. Они обязывались встать на учет польских правительственных органов в качестве военнообязанных, дать «подписку о полном подчинении Польскому правительству», пользуясь в остальном всеми правами граждан «дружественной и союзной державы». Прием «подписок» и выдачу удостоверений о принадлежности к польской национальности предлагалось «предоставить специальным комиссиям, включающим по одному представителю от русских военных властей, от ПНК, от Польского военного комитета (ПВК) и от уполномоченного на Сибирский район центрального отделения Польского общества помощи жертвам войны» [2. Л. 4–5].

На протяжении января 1919 г. предложения Полнацкома обсуждались в Омске на разных уровнях: в МИД, на межведомственном совещании, в Совете министров. Межведомственное совещание представителей министерств – внутренних дел, военного, юстиции и иностранных дел, созванное 3 января 1919 г., вынесло постановление, в котором, со ссылкой на прецедент, созданный чехословацкими военнопленными, говорилось, что военнопленные поляки, числящиеся в подданстве Германии и Австрии, могут призываться ПНК лишь на добровольческих началах, «ибо признать их обязанными воинскою повинностью перед государством, находящимся в периоде формирования, представляется преждевременным...». Поляки, подданные России, обязывались «вступить в ряды русской армии, пользуясь предоставленным им правом формирования в национальные военные части». Вопрос об их дальнейшей судьбе предполагалось решить после официального признания Польского государства всеми державами, в том числе и Россией, одновременно с вопросом о русско-польских границах и политических взаимоотношениях обоих государств [2. Л. 19].

Но уже вскоре позиция Омска изменилась. МИД рекомендовал Совету министров «в свете благоприятного отношения к польскому народу» принять положительное решение по вопросу о снятии с военнопленных поляков статуса «военнопленный» и признания их военнообязанными, состоящими на учете ПНК и «пользующимися в остальном правами граждан Дружественной и Союзной Державы». Организацию этого дела, по мнению министерства, желательно было предоставить ПНК для Сибири и России по соглашению с заинтересованными ведомствами [2. Л. 18 об.].

Полагая, что признание самостоятельности Польского государства положительно скажется на взаимоотношениях с союзниками, МИД высказалось за признание права ПНК на формирование в Сибири польской национальной армии на добровольческих началах. Понимая, что осуществление поляками этого права неблагоприятно отразится на военном снабжении русской армии, т.к. формируемая польская армия «отвлечет от себя часть военного снабжения, в котором и так ощущается недостаток», в МИДе, тем не менее, полагали, что «соображения внешней политики настоятельно требуют... принципиального признания права поляков на национальную армию», поскольку «отказ... несомненно, произведет неблагоприятное впечатление во Франции и в Америке» [2. Л. 20].

22 января 1919 г. было принято постановление Совета Верховного правителя, в котором признавалось «в принципе» самостоятельное польское государство и разрешалось формирование «в определенных размерах» национальной польской армии. По всем вопросам, касающимся этой армии, было рекомендовано сноситься с командующим союзными войсками генералом Жаненом [3. Л. 21].

В феврале 1919 г. в Сибирь прибыла военная миссия генерала Галлера во главе с майором Я. Окуlichem, который привез приказы и инструкции для польских подразделений. Миссия находилась в Омске, при штабе генерала Жанена, выбивая через него средства и снаряжение для польской армии. В апреле, по данным «Рапорта о состоянии польских войск в Восточной России» от 30 апреля 1919 г., в Сибири находились 705 польских офицеров, 33 врача, 36 чиновников, 9 998 унтер-офицеров и рядовых. В мае 1919 г. командование польских войск в Сибири издало приказ об окончании формирования 5-й дивизии. К этому времени количественный состав польских подразделений, включая школу подготовки офицерского состава в Новониколаевске, сборные пункты в сибирских городах и контингент военных инвалидов, составил 11 282 человека [4. С. 292]. В августе 1919 г. в польских частях и подразделениях, по данным полковника В. Чумы, насчитывалось 10 519 солдат и 771 офицер [1. С. 77].

Большую часть военнослужащих в польских подразделениях, как указывалось в упоминавшемся выше рапорте, составляли пленные австро-венгерской армии [1. С. 76]. Достаточно много было и поляков – солдат немецкой армии. И те и другие имели хорошую подготовку и отличались высоким уровнем национального самосознания. Сначала эти люди приходили в польские формирования как добровольцы. Армия под национальным флагом вселяла надежду на возвращение в Польшу с оружием в руках, чтобы сражаться с оккупантами на родной земле. Но осенью 1918 г., после окончательного разгрома армий Австро-Венгрии и Германии, многие солдаты уже не считали нужным оставаться в Сибири в то время, когда в Польше закладывались основы национальной государственности. Это привело к сокращению потока добровольцев. Иногда отказывались от службы в польских формированиях даже офицеры. Лишь моральное давление и угрозы бойкота по возвращении на родину заставляли людей идти в армию. В конце декабря 1918 г. было объявлено

о мобилизации всех находившихся в Новониколаевске военнопленных поляков [4. С. 292–293].

Одной из причин вступления военнопленных поляков в польскую армию были тяжелые условия содержания военнопленных в лагерях. Александр Данелюк (Эдмунд Стефанский), член СДКПиЛ, вспоминал: «Чтобы облегчить этим несчастным принятие такого решения, польские офицеры-коменданты... вызывали полураздетых и полуживых военнопленных из барачных на двор, строили их в ряды и после команды: смирно! – держали длинные агитационные речи, или обливали их площадной руганью. После получаса-часа такого удовольствия на трескучем сибирском морозе значительный процент людей возвращался в холодные бараки с отмороженными руками, ногами, носами. В результате некоторая часть военнопленных, дабы спастись от такого удовольствия, решалась идти “добровольцами” в армию. Такая процедура повторялась до тех пор, пока в лагере оставались люди, способные носить ружье» [5. Л. 4–5].

Вторыми по численности 5-й дивизии были поляки, граждане России, мобилизованные в русскую армию. Это была внутренне неоднородная группа. Часть из них были связаны с Россией, Сибирью «семейными узами, имущественными отношениями и привычками всей своей жизни», провели значительную часть жизни на царской службе, многие вообще не видели Польши. Эти люди опасались потерять занимаемые до этого должности, имущество, положение в обществе. Польские войска были для них той силой, которая должна была вместе с Белой армией и частями западной коалиции разгромить большевиков и восстановить старый порядок. Среди издавна живших в России поляков было много таких, кто сохранял национальные традиции и патриотические чувства, несмотря на долгие годы разлуки с родиной [4. С. 293].

Еще одна группа польских солдат, по свидетельству Данелюка-Стефанского, «...состояла из людей, которые принимали активное участие в революции, дрались в защиту советской власти, и только после разгрома советских отрядов пытались спастись от расстрелов, поступая – или под другими фамилиями, или попросту в других городах, где их не знали – в польскую армию» [5. Л. 5]. Примерно 5–10% состава польской армии в той или иной мере принимали участие в революции на стороне большевиков. К этой группе Э. Стефанский причислял «и тех, кто был освобожден польскими “комендантами” из концентрационных лагерей и тюрем, в которых в Сибири находились десятки тысяч людей, заподозренных в большевизме. Вербуя их в ряды польских войск, офицеры говорили, что польская армия создается не для борьбы с большевиками, что она не будет принимать участие в “междоусобной, братоубийственной борьбе русских”, а при первой возможности отправится на родину, чтобы там «вырубать польским мечом независимость Польши» [5. Л. 7].

Как вспоминали современники, солдаты, являясь представителями названных выше групп, относились друг к другу с недоверием. «Чубарики», или поляки из России, и «австрийцы» и «немцы», как называли бывших пленников первые, смотрели друг на друга с откровенной неприязнью. Существовали определенные различия и между отдельными подразделениями внутри

дивизии, что было отчасти связано со спецификой их личного состава, царившими там настроениями и теми традициями, с которыми отождествляли себя солдаты. Эту ситуацию достаточно точно отражает то, что каждый из четырех полков дивизии определялся по-разному: 1-й польский стрелковый полк им. Т. Костюшко (Pulk strzelcow polskich imienia Tadeusza Kosciuszki), 2-й польский оборонительный полк (Polnisches Schutzenregiment), 3-й сибирский стрелковый полк и 4-й советский пехотный полк [4. С. 293–294].

Противоречия существовали и в среде офицерского состава, представлявшего различные польские воинские подразделения и армии государств-интервентов. По свидетельству А. Данелюка, первоначально в офицерском корпусе преобладала «австрийская» офицерская группа. «Люди эти, совершенно чуждые России и всему тому, что в ней происходило, в первое время, несомненно, мечтали, как бы поскорей вырваться из того “пекла” (ада), каким им представлялась истекающая кровью и бурлящая гражданской войной необъятная Россия, и надеялись, что таким кратчайшим путем может оказаться польская армия. Но по мере затягивания гражданской войны, по мере роста самой армии – положение основательно изменилось. Организованная армия представляла теперь для них возможность проделать быструю головокружительную карьеру (ведь стали же многие поручики чехословацкой армии в течение нескольких месяцев полковниками и генералами!), давала им возможность кормиться у жирного пирога Антанты» [5. Л. 8–9].

Армия в массовом порядке пополнялась офицерами-поляками русской службы. Для большинства из них поступление в польскую армию было вызвано, прежде всего, нежеланием идти на фронт против большевиков, ибо польская армия была все еще в стадии «организации». По словам А. Данелюка, эти офицеры внесли «...атмосферу зверской ненависти к большевикам и к русской революции и готовы были, несомненно, проявлять большую активность в “русских” делах, чем австрийские офицеры». Многие из них давно забыли польский язык, «всякие мечты о Польше считали бредом, не знали и не желали учиться команде на польском языке и рассматривали польскую армию как переходный в своей жизни этап (вернее, как эпизод), пока не победит опять в матушке России «закон и порядок» [5. Л. 10–11].

Потенциально конфликтную ситуацию порождала и сложившаяся структура командования. Во главе штаба польских войск в России стоял полковник В. Чума. Как офицер, вышедший из легионов Ю. Пилсудского, он был приверженцем польской государственнической идеологии и надеялся на скорейшее возвращение в Польшу. Как бывший легионер он поддерживал своих однокашников, которых в сибирской дивизии было 74 человека, в том числе 25 офицеров. Большинство высших офицеров придерживались мнения, что вмешиваться во внутренние дела России и, в частности, в гражданскую войну не следует. Поскольку возрождающееся Польское государство остро нуждалось в вооруженных силах, которые могли бы в любую минуту выступить на защиту его независимости, польским войскам необходимо как можно быстрее отступить на

Дальний Восток, а затем морским путем переправиться в Польшу. Эти лозунги совпадали с позицией ПВК, представители которого считали, что участие польских войск в военных действиях в Сибири приносит в жертву лучшие силы нации, так необходимые возрождающейся Польше [4. С. 294].

Командир 5-й польской дивизии полковник К. Румша, напротив, собирал под свои знамена всех, кто хотел использовать польские формирования в Сибири против большевиков. «Румша был офицером русской армии. Он геройски сражался на фронте германской войны, – вспоминал бывший легионер Дыбоский, – и обладал теми качествами, которых в критические моменты не хватало Чуме. Это был последовательный и решительный в любых ситуациях офицер, который умел приказывать и тем самым вызывал уважение к себе как к командиру». Офицеры из окружения Румши служили ранее в русской армии, и хотя их было не так уж много, они занимали высокие должности в польских формированиях [4. С. 294].

Зимой 1918–1919 гг. непосредственное участие в боях на фронте принимали только 2 эскадрона 1-го полка улан, носившего имя Костюшко. Участие польских частей в этих боях получило высокую оценку командующего Сводным корпусом генерал-майора Каппеля. «Прибытие Вашего молодого доблестного полка, руководимого энергичным и талантливым командиром подполковником Румшей, – говорилось в его приказе, – дало нам возможность перейти в наступление и нанести нашему врагу мощный удар... Бои Вашего полка под Николаевской, Сордыками, Бикметьево, в которых Вы победоносно сломали упорное сопротивление противника, Ваш стремительный и могучий удар на город Белебей с захватом его, полные неудержимого порыва бои под Знаменкой и Константиновкой с во много раз сильнеешим врагом, – все это будут яркие страницы в летописи Вашего молодого полка, составляющего одно из звеньев нарождающейся могучей польской армии, слава и гордость прекрасной Польши...» [6. 10 (23) янв.]. Весной 1919 г. предпринимались попытки отправить на фронт 4-й пехотный полк, но это вызвало сильное волнение среди солдат [5. Л. 16].

Основная роль польской армии состояла в охране железной дороги от нападений партизанских отрядов, скрывающихся в тайге, и в подавлении вооруженных выступлений крестьян. Как говорилось в сообщении начальника подотдела печати Осведверха (Осведомительный отдел Управления 2-го генерал-квартирмейстера Штаба Верховного главнокомандующего), в начале июля в районе северного железнодорожного участка Каинск – Татарская был организован сильный большевистский отряд, который имел целью восстановление советской власти, проведение мобилизации на местах и прорыв железнодорожного сообщения. Восстание угрожало участку магистрали, где охрану несли польские войска. Польское командование 26 июля направило на подавление восстания около двух полков пехоты, дивизион улан, взвод штурмового батальона с усиленными пулеметными командами и артиллерией. Возложенную на них боевую задачу польские войска выполнили «...в высокой степени успешно, пройдя по болотистым и таежным местам более

200 верст к северу от железной дороги и встречая на своем пути сильное сопротивление вплоть до окопов и проволочных заграждений. Необходимо отметить умелое руководство командного состава и отличные боевые качества польского солдата, любящего свою родину и отлично понимающего, что происходит борьба за общее славянское дело» [7. 19 авг.; 8. 27 авг.].

Об отношении населения к действиям польских войск современники оставили противоречивые свидетельства. По словам Дanelюка-Стефанского, польская армия снискала себе глубокую ненависть трудящегося населения Сибири. «Трусливая банда контрреволюционных офицеров предпочитала свое геройство и свой пыл изливать на безоружном населении и всякими мерами доказывать свою необходимость обеспечивать тыл. Эта роль карательных отрядов, спасающаяся перед отправкой на фронт, пришлась по вкусу многим деклассированным войной и деморализованным элементам из солдат. Они вели себя, как в оккупированной стране, и чувствовали себя настоящими хозяевами. Многим пришлась по вкусу разлагающая, бездельная жизнь. Нужно помнить, что солдаты были хорошо одеты, неплохо кормились и т.п. (например, каждый солдат получал ежемесячно 500 шт[тук] хороших американских папирос без мундштуков)» [5. Л. 16–18].

На «бесчинства поляков» указывали в своих воспоминаниях и члены Омского правительства. И.И. Сукин писал, что «поляки, охранявшие дорогу около Новониколаевска, прославились неопишными бесчинствами и свирепостью» [9. С. 468]. Аналогичную запись оставил 6 сентября 1919 г. в дневнике А. Будберг: «Очень много жалоб на безобразия и насилия, чинимые польскими войсками в районе Новониколаевска; эти не стесняются грабить, производить насильственные фуражировки, расплачиваться по ничтожным ценам и захватывать наши заготовки, эшелоны и баржи с грузами. На наши жалобы, обращенные к Жанену, не получаем даже ответа; польское хозяйничанье особенно для нас обидно: чехам мы все же обязаны, и часть их дралась вместе с нами за общее дело; польские же войска создались у нас за спиной из бывших пленных и наших поляков, взявших с России все, что было возможно, а затем заделавшихся польскими подданными и укрывшихся от всяких мобилизаций и военных неприятностей в рядах польских частей» [10. С. 307].

Вопрос о действиях польских войск не раз становился предметом обсуждения в Омске. По свидетельству П.В. Вологодского, на совещании у Верховного правителя 28 мая он заявил о необходимости принять «решительные меры против бесчинств, чинимых со стороны польских легионов», расположенных в районе Новониколаевска, указывая, что его «продолжают и официально, и частно засыпать сообщениями и письмами об этих бесчинствах». Вологодского поддержал Г.Г. Тельберг, который намеревался доложить о «бесчинствах польских легионов» генералу Жанену. Верховный правитель высказался в том смысле, что от Жанена ничего нельзя ожидать в смысле воздействия на поляков. Совещание решило «принять самые строгие меры против бесчинств и безобразий, чинимых польскими легионами, вплоть до принудительного их разоружения», если генералу Жанену ничего не удастся с ними сделать [11. С. 197–198].

Однако генерал Жанен не считал нужным следовать давлению Омска и как-то воздействовать на поляков. Он записал в своем дневнике: 4 июля во время беседы с Сукиным «...был поднят вопрос о поляках, которых адмирал, Сукин и ряд других лиц обвиняют во всех грехах Израиля. Действительно, поляки имеют недостатки, но кто их не имеет? Сейчас поляки охраняют один из секторов Сибирской магистрали, посылают даже экспедиции на север и на юг от железнодорожного пути. Они твердой рукой справились с большевистской агитацией в своей среде. Я напоминаю все это Сукину. Он указывает, что следует оправить их на фронт. Они, конечно, пошли бы вслед за чехами, – но в настоящее время я вообще не знаю, пойдут ли они, или нет. Для этого нужно распоряжение их правительства. Он заявляет мне тогда, что если они не пойдут, то их предстоит разоружить: адмирал находит это абсолютно необходимым. Я отвечаю, что это недостаточная причина...» [12. С. 150].

По всей видимости, никаких решительных мер, направленных на пресечение «бесчинств» польских частей, предпринято не было, поскольку заявления с жалобами на их действия продолжали поступать. Так, например, 11 сентября крестьяне деревень Артамоновой, Ершовой и Битковского села подали заявление начальнику Новониколаевского гарнизона о том, что поляки отобрали у них лошадей, телеги, деньги и много домашней утвари, вплоть до самоваров и швейных машин. Лошади, взятые под предлогом преследования большевиков, крестьянам не были возвращены. В другом сообщении говорилось, что польские части, направленные на подавление большевистских восстаний в уезд, пригнали целые табуны коров, лошадей, овец и других домашних животных. Животные паслись около города, давая населению повод к разным толкам не только в адрес поляков, но и в адрес правительства. Квартирующий в Камне польский отряд реквизирует два музыкальных инструмента и телефонный аппарат, принадлежащие Общественному управлению, которые были отправлены в Новониколаевск с эшелоном польских войск [13. Л. 47].

Но были и случаи противоположного свойства, когда крестьяне сами обращались за помощью к полякам. Так, крестьяне деревни Орловой Усть-Татарской волости, Каинского уезда, Томской губернии на сходе 27 июля 1919 г. постановили: просить «комиссию верховной власти Польского легиона обратить внимание о защите нас от набегов красногвардейцев и дать нам для охраны нашего населения, сколько будет, по вашему усмотрению возможно. Войско для охраны... мы желаем содержать за свои средства по силе возможности, и ежели не будет возможности оставить войско... то нам от набегов красных жить будет невозможно и мы будем просить верховную власть польского легиона не оставить нас на месте без охраны...» [7. 19 авг.; 14. 27 авг.].

В одной из заметок рассказывалось о польском санитарном поезде, который выехал 28 сентября на запад за ранеными и больными. В Петропавловске ему было предписано принять с санитарного поезда, который следовал с Курганского фронта, 900 раненых и больных. «В холодных товарных вагонах на полу, покры-

том тонким слоем грязной соломы, кишашей насекомыми, буквально валялись раненые и больные, не получая второй день теплой пищи и дрожа от пронизывающей сырости и холода... Весь этот страдальческий поезд шел под опекой одного или двух беспомощных фельдшеров и одной, и то заболевшей, сестры милосердия... Уже спустя полчаса началась сортировка и перегрузка. Раненых раздевали и мыли или сейчас же отправляли в баню, и затем укладывали в теплых вагонах в чистом белье и в чистых постелях. В то же время начали готовить горячий чай и теплую пищу. С вечера, когда погрузка кончилась, врачи начали менять перевязки наиболее нуждающимся раненым и продолжали эту работу еще и в течение следующего дня. Старший врач поезда Вуйцик, младший врач Пельчар, студент Мравинчиц, все сестры милосердия, фельдшера и санитары работали без усталости, проявляя много заботливости и участия к своим пациентам». Поезд, рассчитанный на 200 человек, взял 625 раненых и больных, часть из них ехала в прицепленных товарных вагонах с нарами и печками [14. 21 окт.].

В оперативных сводках сообщалось об успешных действиях польских войск в районе Барнаула. На Чулымском участке польский отряд 18 августа разбил «большевистскую шайку» в 40 верстах от станции Чулым, на Каменском участке отряд польских войск совершенно очистил район Камня и, заняв центральный пункт сосредоточения красных – Сузунскую, продвигается на север, к Новониколаевску, попутно уничтожая мелкие шайки большевиков. Другой польский отряд разбил красных у станции Черепаново и занял ее. В этих боях поляки потеряли 8 человек убитыми, 14 были ранены [15. 31 (18) авг., 21 авг. (3 сент.)].

Для установления контактов с правительством по приказу полковника Чумы в июле 1919 г. в Польшу были направлены три военно-политические миссии. Среди них были подполковник Воликовский, а в качестве представителя ПВК – генерал Жуковский. В своих докладах польскому командованию они отмечали, что из-за отсутствия контактов с Польшей и каких-либо инструкций и приказов польским формированиям на Востоке, но прежде всего в связи с тем, что польское правительство официально не признало 5-ю дивизию частью Войска польского, ее солдаты находятся в подавленном состоянии. Воликовский и Жуковский предлагали, чтобы командование выступило с обращением к солдатам, в котором указывалось бы, что Сибирская дивизия рассматривается как составная часть Войска Польского. Кроме того, высказывалось требование, чтобы в Сибирь был направлен представитель правительства, приезд которого, как они считали, не только наведет порядок во взаимоотношениях армейского командования и комитетов, но и повысит авторитет 5-й дивизии в глазах адмирала Колчака и главнокомандующего силами коалиции генерала Жанена. Они призывали также как можно быстрее вывести польские части из Сибири. Но эти призывы еще долгое время оставались без ответа [4. С. 295].

Отсутствие связей с Польшей и неопределенность положения крайне негативно сказывались на психологическом состоянии солдат и офицеров. Для поддержания боевого духа армии, патриотического воспитания и

формирования национального самосознания в 5-й польской дивизии велась культурно-просветительная деятельность. Была создана культурно-просветительная комиссия, сформировавшая свои структуры во всех подразделениях. Эту работу вели бывшие учителя средних школ и гимназий Галиции, устраивая для солдат и офицеров лекции на темы польской литературы и истории [4. С. 296]. В дивизии был создан солдатский театр. Репертуар поставленных в театре произведений был разнообразным – классические польские драмы и легкие развлекательные пьесы. С успехом прошли «Мазепа» Юлиуша Словацкого и «Пан Гельдхаб» Александра Фредро [4. С. 297].

В годовщину важнейших исторических событий и национальных праздников проводились вечера и торжественные мероприятия. В марте 1919 г. праздновался День Иосифа, именины национальных героев – президента Польши Иосифа Пилсудского и главнокомандующего польской армией Иосифа Галлера [16. 22 марта; 17. 27 марта]. В Новониколаевске в этот день были устроены военный парад, который принимал полковник Чума, и торжественный банкет. В торжествах принимали участие представители иностранных военных миссий, русских военных и гражданских властей, национальных организаций, известные в Новониколаевске общественные деятели [8. 19 марта; 18. 23 марта]. В честь 128-й годовщины Конституции 3 мая 1791 г. проводились торжественные богослужения, устраивались концерты, читались лекции [15. 20 апр. (3 мая); 16. 3 мая]. 15 июля в ознаменование 509-й годовщины Грюнвальдской битвы в Новониколаевске был отслужен торжественный молебен, прошел парад польских, литовских, чешских и русских войск [15. 9 (22) июля] и была осуществлена костюмированная постановка, в основу которой легли «Крестоносцы» Г. Сенкевича [4. С. 297]. По случаю праздника, который совпал с национальным французским праздником 14 июля, генерал Жанен и полковник Чума обменялись приветственными телеграммами [18. 18 июля].

При дивизии были организованы харцерские скаутские дружины. Харцеры старших возрастов из дружин, разбросанных по разным городам Сибири, с лета 1918 г. приходили на службу в польские подразделения. Харцерская дружина была организована при ПВК в Новониколаевске. В июле 1919 г. был организован полуторамесячный лагерь для инструкторов этого движения, куда съехались харцеры из Челябинска, Омска, Томска, Иркутска, Барнаула, Красноярска, Петропавловска, Кургана и Минусинска [4. С. 297]. Летний лагерь для польских бой-скаутов, рассчитанный на 100 человек, был организован на Русском острове [19. 21 мая]. Попытки создания харцерских дружин предпринимались во всех крупных городах, где находились представительства ПВК [6. 15 (2) июня].

Неопределенное положение польских войск способствовало радикализации политических настроений в их рядах. В отдельных подразделениях велась нелегальная деятельность большевистских ячеек. Для разъяснительной работы среди польских легионеров привлекались входившие в состав подпольных большевистских организаций коммунисты, бывшие ссыльные, имевшие опыт нелегальной работы. В Новонико-

лаевске в подпольную организацию входила группа польских коммунистов, которая проводила агитационную работу среди расквартированных в городе солдат польского легиона. Одним из активных деятелей подполья был упоминавшийся уже А. Данелюк (Э. Стефанский), член РСДРП (б) с 1915 г. Он участвовал в боях с чехословаками в Самаре, был арестован и в «поезде смерти» направлен в Сибирь, но сумел бежать [20. С. 116–117].

Сначала организация ограничивалась сбором средств для Красного Креста, но затем, по указанию подпольного комитета, перешла к пропаганде среди польских легионеров. Судя по воспоминаниям А. Данелюка, к концу марта 1919 г. в польских частях было создано семь подпольных групп, в которых насчитывалось 52 человека, в том числе в железнодорожном батальоне – около 20 чел., двух эскадронах уланского полка – 9, 4-м пехотном полку – 5, в обозах – 4, в лагере военнопленных – 11, среди военнопленных, работающих в типографии, – 3 чел. По другим данным, которые приводятся также со ссылкой на воспоминания А. Данелюка, в польских частях к началу марта 1919 г. было создано 6 подпольных ячеек: в железнодорожной роте – 18 чел., в уланском полку – 20, во 2-м пехотном полку – 10, в 4-м пехотном полку – 22, в автоколонне – 50, в механических мастерских – 7 чел. [20. С. 118]. Кроме того, активное содействие оказывали еще 10–12 чел., не состоявших в армии [5. Л. 23]. «Опорной» являлась группа солдат железнодорожного батальона, считавших себя «военно-революционной организацией». Она представляла собой «замкнутую организацию, которая расширялась только за счет солдат железнодорожного батальона. Это была крепкая, боевая группа молодых товарищей, ждавших с нетерпением, когда их пошлют на фронт, чтобы там активно участвовать в пользу большевиков...» [5. Л. 21–22].

Первоначально вся деятельность сводилась к организационной работе: налаживанию связей, «сколачиванию» групп и т.п. Попыток перейти от «выявления» людей к другим формам работы не делалось из-за опасений «расшифровать» раньше времени наличие организации в частях. Но приблизительно в марте были получены сведения о том, что один из батальонов 4-го пехотного полка должен выступить на фронт, а за ним последуют другие. Среди солдат началось брожение. Чтобы «подогреть» настроения, было решено изготовить листовку на приобретенном к этому времени шапирографе. Особый упор делался на то, чтобы «разоблачить лживые заверения, что польская армия не будет принимать участия в «братоубийственной борьбе» [5. Л. 24–27]. В батальоне вспыхнуло восстание, начались волнения и в других батальонах. Польское командование бросило на подавление крупные военные силы. Не только мятежный батальон, но весь 4-й полк был разоружен и вскоре расформирован [20. С. 119].

На состоявшемся в первой половине июня 1919 г. расширенном заседании комитета общегородской подпольной организации представители подпольных ячеек в польских частях высказались за немедленное начало восстания. Такого же мнения придерживались делегаты от солдатских организаций. Однако комитет принял предложение представителей рабочих и партизанских

отрядов, считавших необходимым отодвинуть срок выступления на сентябрь 1919 г., отмечая недостаточную подготовленность к восстанию и отсутствие уверенности в том, что его поддержат все воинские части. В июне колчаковской и польской контрразведкам удалось напасть на след большевистского подполья. Вместе с русскими большевиками был арестован ряд деятелей польской организации. Тайное осведомительное отделение штаба 2-й стрелковой дивизии в июле 1919 г. доносило: «Польская большевистская организация была нами открыта и передана польскому военному контролю. На основании нашего донесения были польской контрразведкой арестованы телефонисты, на квартире которых были устраиваемы собрания польских большевиков. Из участвующих были расстреляны поляки Драйчек, Жарич Ян, Пражмовский, Давидович, Пешинский, Кучинский, 3 русских: Юрлов, Павлов и Жлобинцев» [20. С. 118].

Наиболее революционизированным подразделением 5-й дивизии был Литовский батальон. Его солдаты, охраняя участок железной дороги, убили часть своих офицеров и присоединились к одному из большевистских партизанских отрядов. Позднее на основе этого подразделения был создан 212-й батальон внутренней службы Красной армии, солдаты которого служили конвоирами в лагере для военнопленных, где содержались и их недавние товарищи по 5-й дивизии [4. С. 297–298]. По отношению к наиболее активным коммунистическим агитаторам командование применяло самые жестокие меры, вплоть до смертной казни. В. Дыбоский вспоминает, что «во время пребывания дивизии в Новониколаевске на недоброй памяти сахарного завода (который находился за городом, близ интендантских складов) неоднократно расстреливали солдат – членов тайных большевистских организаций». По подсчетам В. Найдус, у заводской стены было расстреляно более 20 солдат [4. С. 298].

Настоящей эпидемией, охватившей офицерские кадры Войска Польского в Сибири, стало пьянство. «Одни пили, делая из себя отчаянных легионеров, другие – по старой русской привычке». Широко распространены были в дивизии необдуманные браки солдат и офицеров с местными женщинами. Ситуация приобрела столь угрожающие размеры, что командование наложило запрет на заключение подобных браков, однако желаемого результата не добились. Последствия столь опрометчивых решений личного характера дали знать о себе во время эвакуации дивизии на Восток зимой 1919/20 г. Вместе с военнослужащими выезжали и их семьи, что не только затрудняло передислокацию, но и снижало дисциплину отдельных офицеров и солдат. Порой эти люди отказывались выполнять приказ и оставались со своими близкими, опасаясь за их судьбу [4. С. 298].

Только в сентябре штаб польской армии в Новониколаевске получил депешу генерала Галлера, переданную через генерала Жанена; в ней говорилось, что им получены все депешки полковника Чумы и майора Окулича, и он уведомил обо всех нуждах и требованиях польских войск в Сибири Ю. Пилсудского. Галлер заверил, что министром иностранных дел и главнокомандующим предпринимаются все меры, чтобы полу-

чить согласие коалиции и особенно Японии на подготовку транспорта для вывоза польских войск и семейств военнослужащих из Сибири, а польская армия с 1 сентября переходит под руководство Начального Вожда всех польских войск Пилсудского [8. 10 сент.].

Но когда государственные органы Польши приняли решение о конкретных мерах в отношении Войска Польского в Сибири, подразделения 5-й дивизии, теснимые Красной армией, начали «ледяной поход» на Восток, закончившийся драматически. Выполняя приказ генерала Жанена охранять тылы эвакуировавшихся войск Колчака, чешских и других войск интервентов, польские войска вынуждены были вести бои с атакующими войсками 5-й Красной армии и партизанскими отрядами. Самый тяжелый бой дивизия приняла 23 декабря под Тайгой. Польские легионеры «дрались чрезвычайно храбро», но, потеряв до 4 тыс. убитыми, отступили и до самого Красноярска в бой с Красной армией не ввязывались [21. С. 146].

Тяжелейшие условия эвакуации, недостаток топлива и воды для паровозов, и главное – отказ генерала Жанена и чехов от смены задачи привели к капитуляции польских войск 10 января 1920 г. возле станции Ключевенная. Большинство взятых в плен были размещены в лагерях военнопленных и тюрьмах. Только около 1 тысячи солдат и офицеров под командованием К. Румши, отказавшихся сдаться, удалось добраться до Харбина, оттуда при помощи польской миссии они переправились на родину, где после укомплектования рядовыми из них была сформирована Сибирская бригада, которая приняла участие в польско-советской войне. Пленные, находившиеся в концлагерях, а также те, кто скрывался после капитуляции в разных частях Сибири, смогли вернуться домой только после заключения 24 февраля 1921 г. между Польшей и советской Россией договора о репатриации, который был подтвержден Рижским договором 18 марта этого же года [4. С. 298; 22. С. 21].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Документы и материалы по истории советско-польских отношений.* – М., 1964. – Т. 2.
2. *Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).* – Ф. 200. – Оп. 1. – Д. 370.
3. ГАРФ. – Ф. 200. – Оп. 1. – Д. 368.
4. Нея Я. Об истории создания 5-й польской стрелковой дивизии в Сибири / Я. Нея // *Сибирь в истории и культуре польского народа.* – М., 2002.
5. *Российский государственный архив социально-политической истории.* – Ф. 70. – Оп. 5. – Д. 256.
6. *Сибирская речь.* – Омск, 1919.
7. *Наша заря.* – Омск, 1919.
8. *Русская речь.* – Новониколаевск, 1919.
9. *Записки Ивана Ивановича Сукина о Правительстве Колчака // За спиной Колчака: Документы и материалы.* – М., 2005.
10. Будберг А. *Дневник белогвардейца (колчаковская эпопея) / А. Будберг // Дневник белогвардейца.* – Новосибирск, 1991.
11. *Дневник Петра Васильевича Вологодского // За спиной Колчака: Документы и материалы.* – М., 2005.
12. Жанен П. «Отрывки из моего сибирского дневника / П. Жанен // *Сибирские огни.* – 1927. – № 3–4.
13. *Российский государственный военный архив.* – Ф. 40218. – Оп. 1. – Д. 122.
14. *Русская речь.* – Новониколаевск, 1919.
15. *Енисейский вестник.* – Красноярск, 1919.
16. *Голос Приморья.* – Владивосток, 1919.
17. *Народная свобода.* – Барнаул, 1919.
18. *Военные ведомости.* – Новониколаевск, 1919.
19. *Дальний Восток.* – Владивосток, 1919.
20. *Интернационалисты.* Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов на юге и востоке республики. – М., 1971.
21. Ларьков Н.С. *Гражданская война в Кузбассе / Н.С. Ларьков, В.Г. Рудин // Историческая энциклопедия Кузбасса: В 3 т. – Познань, 1996.* – Т. 1.
22. Масырж В. *Поляки в Восточной Сибири (1907–1947 гг.): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук / В. Масырж.* – Иркутск, 1995.

Статья представлена научной редакцией «История» 10 апреля 2008 г.